

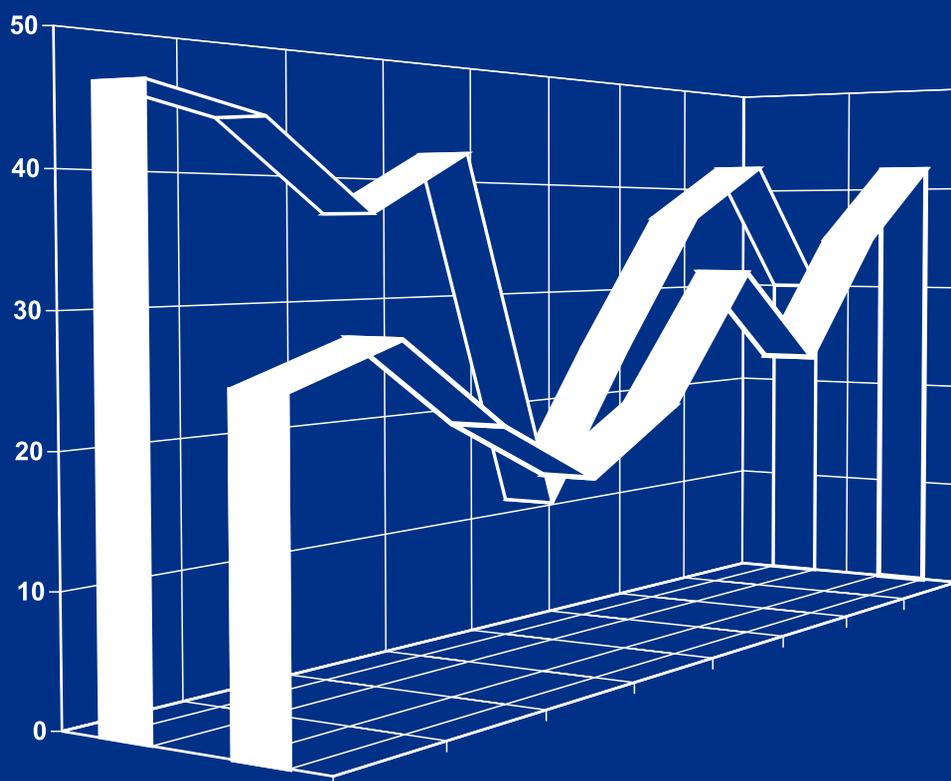
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

1-2 (126)

ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 2018

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(126)

Выходит 2 раз в год. Год издания 25-й

Январь–июнь 2018

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И НЕРАВЕНСТВА	
Наталья ТИХОНОВА. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика	17
Светлана МАРЕЕВА, Екатерина СЛОБОДЕНЮК. Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности	30
Марина КРАСИЛЬНИКОВА. О чем говорят индексы? Возможности и ограничения динамических сопоставлений данных опросов общественного мнения	47
ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ	
Клаус ГЕСТВА. Советский человек. История одного собирательного понятия	58
АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	
Владимир (Зеэв) ХАНИН. Выборы Президента РФ в Израиле: социально-политические аспекты	76
Лев ГУДКОВ. Патриотическая мобилизация и ее следствия	81
Сергей НИКОЛЮК. Настя Рыбка и столкновение цивилизаций	124
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГОВ	
Татьяна ЛЫСОВА. Пользование Интернет-услугами и факторы, влияющие на их разнообразие	133
Есения БОНДАРИК. Свобода информации: неформальные практики регулирования СМИ в современном российском политическом процессе	145
Елена БЕРДЫШЕВА, Анна СОКОЛОВА. Измерения страдания в социальных науках: случай онкологических заболеваний	153
К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ	
Александр ЧЕПУРЕНКО. О Грушине, Арндт и Леваде. Вступительное слово на 12-й ежегодной конференции имени Юрия Левады	166
«...Потенциальная революция, которая в XX веке ожидала бы Россию, это не Горбачев, не перестройка, а оттепель». Беседа Алексея Левинсона с профессором Пал Тамашем	169
Борис ОРЛОВ. Как пускали под нож «Лекции» Левады	178
Авторы номера	181
SUMMARY	182

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(126)

Quarterly

January–June 2018

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Editor*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
SOCIAL STRUCTURE AND INEQUALITY PROBLEMS	
Subjective stratification of Russian society model and its dynamic (by Natalia Tichonova)	17
Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities (by Svetlana Mareeva, Ekaterina Slobodenyk)	30
What do indexes speak of? Potential and limitations of public opinion survey data dynamic comparisons (by Marina Krasilnikova)	47
HISTORY OF IDEAS AND TERMS	
Soviet man. The History and ambivalence surrounding a collective singular form (Klaus Gestwa)	58
CURRENT SOCIO-POLITICAL PROCESSES	
Presidential elections in Russia and Israel: sociopolitical aspects (by Zeev Hanin)	76
Patriotic mobilization and the consequences thereof (by Lev Gudkov)	81
Nastya Rybka and the collision of civilizations (by Sergey Nikolyuk)	124
FROM THE DESK OF RESEARCHERS	
Use of Internet services and factors affecting the variety thereof (by Tatiana Lysova)	133
Freedom of information: informal practices of mass-media regulation in contemporary political process in Russia (by Eseniya Bondarik)	145
Measuring suffering in social sciences: the case of oncology diseases (by Elena Berdysheva, Anna Sokolova)	153
TO THE HISTORY OF SOCIOLOGICAL THOUGHT IN RUSSIA	
On Grushin, Arendt and Levada. Opening remarks at the 12th Yury Levada yearly conference (by Alexandr Chepurenko)	166
Interview with Pal Tamash (by Alexey Levinson)	169
How Levada's «Lectures» were scuttled (by Boris Orlov)	178
Authors of the issue	181
SUMMARY	182

Светлана МАРЕЕВА
Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности¹

В последнее время, особенно после кризиса 2008-2009 годов, неравенство все чаще оказывается в центре внимания не только научного сообщества, но и политических кругов, а также широкой общественности. Проблема неравенства обсуждается как на уровне отдельных стран, так и в контексте общемирового развития, выступая одним из ключевых его вызовов; рассматриваются подходы к измерению неравенства, тренды его изменения, основания, факторы и последствия углубления неравенств, а также легитимность различных неравенств в глазах населения. Эти обсуждения ведутся в контексте дискуссий об экономической эффективности, устойчивом развитии, о политической и социальной стабильности, новых вызовах для социально-экономической политики; оценивается уровень неравенства, при котором оно перестает играть стимулирующую роль и становится «избыточным», препятствующим экономическому росту и повышению благосостояния населения.

Новой волне интереса к данной проблематике способствовал выход нескольких крупных работ в последние годы, среди которых, прежде всего, нужно назвать работы Т. Пикетти, Дж. Стиглица, Б. Милановича, Э. Аткинсона и др.² (хотя, по оценке известного социолога Д. Груски³, сдвиг отношения к проблеме нера-

венства начал происходить после 1960-1970 годов — до этого неравенство рассматривалось как побочный эффект капитализма и социализма, предполагалось, что прогрессивное общественное развитие приведет к снижению неравенства, что не подтвердилось на практике). Проблематике неравенства были посвящены многие ключевые международные конференции последних лет, в частности Международный социологический конгресс 2014 года («Сталкиваясь с неравным миром: вызовы для глобальной социологии»), конференция Европейской социологической ассоциации 2015 года («Различия, неравенства и социологическое воображение») и др. Обсуждение неравенства активно ведется и в российской научной среде, причем с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи⁴.

Обеспокоенность проблемой неравенства выходит за пределы только научного сообщества. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними вошло в Цели устойчивого развития ООН 2015 года. Целый ряд докладов международных организаций последнее время был также сфокусирован на проблемах неравенства в мире — его масштабах, различиях между странами, тенденциях изменений, негативных последствиях растущего неравенства и разработке рекомендаций по управлению им. Среди таких работ — доклад неправительственной некоммерческой организации Oxfam International, подготовленный для Всемирно-

¹ В статье использованы результаты проектов «Социальная политика, социальная стратификация, компоненты благосостояния населения и проявления неравенства в России: анализ взаимосвязей на различных этапах жизненного цикла» и «Денежные и немонетарные неравенства в современных обществах: объективное состояние и субъективное восприятие населением», выполняемых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

² См.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015; Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015; Аткинсон Э. Неравенство: как с ним быть? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018; Миланович М. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

³ Grusky D. The Stories About Inequality That We Love to Tell. The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press, 2011. P. 1–13.

⁴ Для примера приведем лишь несколько недавних работ: Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему (критические заметки). Препринт WP3/2016/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016; Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудбер А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3(31). С. 170–185; Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78–114; Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. № 25 (2). С. 37–67; Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 58–71.

го экономического форума в Давосе, опубликованный в 2016 году, — «Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству и как это можно остановить» (к сожалению, отдельное внимание России в нем не уделяется); доклад 2016 года Всемирного банка «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством»; ежегодный доклад о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2016-2017 годы, впервые посвященный именно проблемам неравенства, ежегодные доклады Credit Suisse о распределении мирового богатства. Ряд других организаций постоянно работает с оценками неравенства, как со статистическими данными о неравенстве доходов в странах мира (Всемирный банк), так и с оценками концентрации доходов и богатства (Всемирная база данных о неравенстве и пр.).

Оценки неравенства, представленные в аналитических материалах, имеющих сравнительный международный характер, основываются на различных источниках данных и разных методиках расчета. В фокусе внимания при этом обычно оказывается неравенство не только доходов, но и благосостояния (богатства); в ряде случаев монетарные неравенства также дополняются рассмотрением немонетарного аспекта — неравенства возможностей. Важно оценить, *какое место занимает Россия в мире в контексте сравнительных оценок неравенства, полученных с помощью различных методик.* Анализ этих вопросов на базе статистических данных и аналитических докладов международных организаций, перечисленных выше, и посвящена данная статья.

Всемирный банк: статистические оценки неравенства и доклад «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством» (2016)

С оценками глобального неравенства активно работает Всемирный банк, причем анализ проводится в рамках разных подходов — рассматривается как глобальное неравенство между всеми индивидами, проживающими во всех странах мира, без учета страновых границ, так и неравенство между странами. Всемирный банк определяет степень глобального неравенства, зоны концентрации бедных по универсальным линиям бедности и т.п. На данных Всемирного банка возможно проводить и сравнение стран между собой по уровню неравенства доходов: в его базах представлены значения индекса Джини по доходам и различные показатели концентрации доходов.

По показателю *доли доходов населения, приходящейся на верхний дециль* (10% наиболее богатого населения), в 2015 году наибольшей концентрацией доходов (38% и более) характеризовались Замбия, Бразилия, Колумбия, Панама и Чили, а наименьшей — Словакия, Словения, Косово и Украина (менее 22% в каждой¹). *Верхний дециль российского населения в 2015 году владел 29,7% всех доходов страны*, что определило Россию на 22-ю позицию среди стран, упорядоченных по убыванию показателя (табл. 1). Схожие позиции занимали Филиппины и Уругвай, Гамбия и Литва. Таким образом, *Россия примыкает к верхней трети стран, доходы в которых распределены с сильным уклоном в сторону благополучных слоев населения.*

Положение России в этом отношении достаточно стабильно: в 2004 году среди 70 стран, данные по которым доступны, Россия также примыкала к верхней трети рейтинга (26-я позиция с концентрацией доходов 30,5%). Однако при сравнении динамики показателей России с Бразилией и Украиной, попадающих в начало и конец рейтинга, видно, что по абсолютной величине показателя положение России скорее срединное.

Из таблицы 1 видно, что в стабильные периоды экономического развития верхние 10% российского населения получают еще большие доли дохода, а во время кризисов и после них доходы по населению несколько выравниваются.

Показатель *доли доходов населения, принадлежащей нижнему (беднейшему) децилю*, также может служить показателем доходного неравенства в обществе, хотя сам по себе в аналитических обзорах и исследованиях он практически не встречается. Согласно этому показателю, наименьшей долей доходов, приходящихся на нижний дециль, характеризуются такие страны, как Бенин и Замбия, а наибольшей — Киргизская Республика, Молдавия, Украина и Казахстан. Россия находится в середине списка, отранжированного по возрастанию показателя (29-я позиция; 2,8%). Схожие с ней позиции занимают Хорватия, Филиппины, Великобритания и Австрия. Ситуация с беднейшими 10% российского общества еще более стабильна — показатель не превышал 2,8% и не спускался ниже 2,3% за период с 2000 по 2016 год.

¹ Отметим, что одной из проблем статистики Всемирного банка является низкое качество данных для ряда стран, связанное с формированием репрезентативной выборки, доступом к высокообеспеченным слоям населения, контролем качества работы интервьюеров и др., в связи с чем данные по ряду стран (особенно тех, которые условно можно отнести к развивающимся) могут вызывать определенные сомнения и вопросы.

Одним из широко распространенных показателей для оценки неравенств выступает индекс Джини, который показывает, в какой степени распределение доходов по населению отклоняется от абсолютно равномерного. Динамика индекса Джини подтверждает отме-

ченные выше тенденции о чувствительности уровня доходного неравенства в России к экономической обстановке в стране, а также демонстрирует постепенное снижение доходного неравенства в странах с максимальным неравенством по доходам (табл. 2).

Таблица 1

ДОЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДОХОДОВ, ПРИХОДЯЩАЯСЯ НА ВЕРХНИЕ 10% ДОХОДНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА, 2007-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 Замбия				45,2					44,4	
2 Бразилия	43,2	42,5	42,2		41,7	41,6	41,7	40,6	40,4	
3 Колумбия		43,7	43,1	43,5	42,4	41,4	41,6	41,6	40,0	40,0
4 Панама	39,9	41,1	40,2	39,8	39,7	39,8	39,6	38,6	39,0	37,9
5 Чили			39,7		38,5		38,4		38,0	
20 Филиппины			32,7			32,9			31,3	
21 Уругвай	35,5	34,4	34,7	33,7	31,7	29,3	30,2	29,9	29,9	29,7
22 Россия	32,8	32,5	31,1	30,6	31,1	32,2	32,4	31,9	29,7	
23 Гамбия				34,9					28,7	
24 Литва	26,7	27,6	27,6	24,8	24,5	26,8	27,1	28,9	28,6	
54 Чешская Респ.	22,3	22,9	22,3	22,4	22,2	22,1	22,6	22,1	22,1	
55 Украина	22,0	21,9	21,2	21,0	20,7	20,8	21,1	20,6	21,6	21,2
56 Косово			25,0	25,7	22,3	23,5	21,9	22,0	21,5	
57 Словения	20,4	20,1	20,6	20,7	20,7	21,1	21,4	21,1	21,0	
58 Словацкая Респ.	20,7	21,3	21,8	21,8	20,9	20,5	22,1	20,3	20,9	

Источник. Официальная статистика Всемирного банка.

Примечание. В таблице представлена лишь часть стран из общего списка, упорядоченных по убыванию показателя в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Таблица 2

ИНДЕКС ДЖИНИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА, 2007-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 Словения	24,4	23,7	24,8	24,9	24,9	25,6	26,2	25,7	25,4	
2 Украина	27,0	26,6	25,3	24,8	24,6	24,7	24,6	24,0	25,5	25,0
3 Чешская Респ.	26,0	26,3	26,2	26,6	26,4	26,1	26,5	25,9	25,9	
4 Косово			31,8	33,3	27,8	29,0	26,3	27,3	26,4	
5 Словацкая Респ.	24,7	26,0	27,2	27,3	26,5	26,1	28,1	26,1	26,5	
35 Грузия	38,3	38,2	38,1	40,1	39,5	38,8	38,4	37,3	36,4	36,5
36 Литва	34,8	35,7	37,2	33,6	32,5	35,1	35,3	37,7	37,4	
37 Россия	42,3	41,6	39,8	39,5	39,7	40,7	40,9	39,9	37,7	
38 Мьянма									38,1	
39 Эфиопия				33,2					39,1	
54 Гондурас	55,8	55,5	51,3	53,1	56,2	56,1	52,6	50,4	49,6	50,0
55 Панама	52,8	53,4	51,9	51,7	51,4	51,8	51,5	50,6	50,8	50,4
56 Колумбия		55,4	54,5	54,8	53,6	52,9	52,9	52,8	51,1	50,8
57 Бразилия	54,9	54,0	53,7		52,9	52,6	52,8	51,5	51,3	
58 Замбия				55,6					57,1	

Источник. Официальная статистика Всемирного банка.

Примечание. В таблице представлена лишь часть стран из общего списка, упорядоченных по возрастанию индекса Джини в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

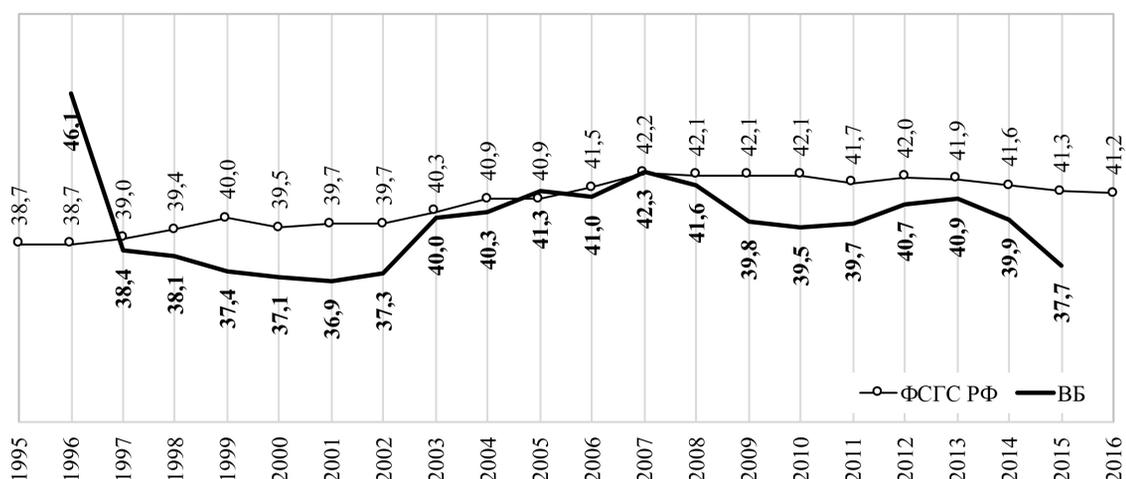
Судя по статистике Всемирного банка, положение России в этом отношении также скорее срединное – хотя неравенство в стране и заметно выше континентальных европейских стран, оно ниже мировых максимальных границ, которые задают развивающиеся страны. Однако важно отметить, что, по данным исследований Всемирного банка, индекс Джини на уровне 38–40% означает избыточный уровень неравенства, негативно влияющий на экономический рост. Судя по представленным оценкам, доходное неравенство в России находится около этой границы. При этом в исследованиях было показано, что влияние неравенства на экономический рост отличается в зависимости от уровня доходов в рассматриваемых странах: в странах с низкими доходами рост уровня неравенства негативно влияет на темпы экономического роста, а в странах с высоким уровнем доходов негативного влияния нет¹.

База для расчета индекса Джини собирается представительствами Банка в странах мира, а также национальными статистическими службами. В этой связи интересно сопоставить данные Всемирного банка с данными Федеральной службы государственной статистики России (ФСГС РФ) (рис. 1).

Согласно данным ФСГС РФ, индекс Джини за последние 20 лет увеличился: с 38,7% в 1995 году до 41,2% в 2016.

Рисунок 1

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ДЖИНИ В РОССИИ, 1995-2016 гг. (%)

Источник. Официальная статистика ФСГС РФ² и Всемирного банка.

¹ Barro R. Inequality, growth and investment / NBER working paper, 1999, No. 7038.

² ФСГС РФ (2017). Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (доступно: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

му он достиг в 2007 году (42,2%), после чего наблюдалась тенденция к снижению показателя. Как видно из рисунка 1, наблюдаются расхождения оценок индекса Джини у Всемирного банка и ФСГС РФ, связанные с процедурами дооценки доходов, которые использует ФСГС РФ и не использует при расчетах Всемирный банк. Эти различия преимущественно возрастали в посткризисные годы – разница превышала 2% в 1999–2002, 2009–2011 и 2014–2015 годах. Иначе говоря, согласно официальной российской статистике, сглаживания доходных неравенств в условиях экономических рецессий не происходило.

Подводя итог краткому обращению к статистическим данным Всемирного банка можно заключить, что в сопоставлении со странами мира они определяют Россию в группу с высокими, но не чрезмерными неравенствами по доходам.

Остановимся еще на одном тематическом материале Всемирного банка – докладе 2016 года «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством»³. Специалисты Всемирного банка подчеркивают, что задача поддержания темпов сокращения бедности, характерных для последних 25 лет, при наблюдающемся снижении темпов экономического роста подразумевает сокращение неравенства и более равномерное распределение доходов в глобальном масштабе. Динамика неравенства –

³ World Bank. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, 2016.

как глобального, так и для оценки ситуации в отдельных странах — при этом оценивается в докладе с помощью универсального индикатора — *изменения доли доходов / потребления*¹, *приходящихся на 40% беднейшего населения*. Эта граница установлена на основании экспертных оценок.

Если говорить о глобальном неравенстве (между населением всех стран), то оно, согласно данным Всемирного банка, демонстрировало тенденцию к сокращению с 1990-х годов — впервые со времен Промышленной революции. До этого, в 1820-1990 годах, неравенство демонстрировало устойчивый рост. Его снижение было связано с быстрым ростом средних доходов в странах с высокой численностью населения (Китай, Индия). В результате вклад межстранового неравенства в общий уровень неравенства сократился, в то время как вклад внутривостранового неравенства, наоборот, возрос (с 20% в 1988 году до 35% в 2013 году).

Что же касается рассмотрения ситуации отдельно по странам, то в 60 из 83 отслеживаемых странах за период с 2008 по 2013 год доходы беднейших 40% росли, при этом в 49 странах темпы роста доходов у нижних 40% населения были выше, чем у верхних 60%, что свидетельствует о сокращении неравенства (население этих стран составляет 2/3 всего мирового населения). Однако данный процесс происходил неравномерно в разных странах и регионах — наиболее ярко он проявился в странах Восточной Азии и Латинской Америки, в то время как высокодоходные страны Европы и Центральной Азии в этом отношении отставали. Кроме того, специалисты Всемирного банка подчеркивают, что сокращение неравенства происходит достаточно медленно — средний ежегодный рост доходов нижних 40% по всем странам составлял в 2008-2013 годах 2%, что лишь на 0,5 п.п. выше среднего темпа роста доходов всего населения всех стран в этот период.

В России нижние 40% населения с точки зрения доходного распределения, по оценке Всемирного банка, выиграли от экономического роста 2008-2013 годов в большей степени, чем население в целом, и, таким образом, Россия оказалась в числе стран, где степень «всеобщего процветания», выступающего в противовес неравенству,

в этот период увеличилась. Для России средние годовые темпы роста потребления составили в 2008-2013 годах 5,86% для нижних 40% населения при 5,27% для населения в целом.

По оценкам специалистов организации, снижение неравенства в России за счет роста благосостояния нижних 40% в 2008-2013 годах явилось следствием, прежде всего, роста пенсий и зарплат бюджетного сектора, которые являются важными источниками доходов именно для низкодоходного населения. Меры социальной поддержки играли при этом ограниченную роль, поскольку многие из них не являются адресными и их получателями выступают представители разных слоев населения. Увеличение адресности программ социальной поддержки, по мнению авторов доклада, способствовало бы повышению влияния фискальной политики на сокращение неравенства, измеряемого таким образом.

Обновленные оценки Всемирного банка, опирающиеся на данные 2010-2015 годов, показывают продолжение этой тенденции в России — *снижение неравенства за счет опережающего роста потребления среди 40% наиболее низкодоходного населения по сравнению с населением в целом, хотя темпы роста при этом заметно упали в результате развернувшегося в 2014 году экономического кризиса* (табл. 3).

В прогнозах специалисты Всемирного банка предполагают, что неравенство в России в будущем скорее будет возрастать, поскольку в последние годы индексация пенсий и зарплат бюджетникам происходила на уровне ниже инфляции, и степень сокращения доходов нижних 40% населения за счет этого окажется выше, чем у верхних 60%, однако расчеты за последние годы ими пока не представлены.

Отчет о глобальном богатстве (Credit Suisse)

Одним из широко цитируемых источников в сфере анализа неравенств в странах мира выступает ежегодный отчет *Credit Suisse о распределении богатства между жителями планеты* и в отдельных странах (8 отчетов за 2010-2017 годы, охватывающих статистику с 2000 года). В основу анализа заложен показатель богатства (или благосостояния), рассчитываемый как рыночная стоимость финансовых и нефинансовых (жилье и земля) активов за вычетом долгов, характеризующих положение индивида. Его оценка производится в три этапа: 1) расчет уровня благосостояния на основе данных бухгалтерского баланса домашних хозяйств (HBS,

¹ В зависимости от особенностей имеющихся эмпирических данных для разных стран используется либо показатель дохода, либо показатель потребления.

Таблица 3

ТЕМПЫ РОСТА СРЕДНИХ ДОХОДОВ / ПОТРЕБЛЕНИЯ НИЖНИХ 40% НАСЕЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕЛОМ, РОССИЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ СТРАН (2010-2015 гг.)

Страна	Период	Тип: доход / потребление	Среднегодовые темпы роста среднего дохода / потребления на душу населения	
			Нижние 40%	Все население
			%	%
Франция	2010-2015	доход	0,74	0,21
Россия	2010-2015	потребление	1,62	0,48
Финляндия	2010-2015	доход	0,53	0,17
Великобритания	2010-2015	доход	0,26	0,11
Бразилия	2011-2015	доход	3,8	2,19
Австрия	2010-2015	доход	-0,47	-0,28
Грузия	2011-2016	потребление	6,44	4,32
Испания	2010-2015	доход	-2,16	-1,53
Словения	2010-2015	доход	-0,78	-0,56
Чехия	2010-2015	доход	1,42	1,03
Италия	2009-2014	доход	-2,6	-1,9
Швейцария	2009-2014	доход	1,22	0,99
Украина	2011-2016	потребление	-0,85	-0,69
Польша	2010-2015	доход	2,52	2,07
Греция	2010-2015	доход	-8,35	-6,98
Казахстан	2010-2015	потребление	4,09	3,47
Белоруссия	2011-2016	потребление	4,06	3,46
Латвия	2010-2015	доход	7,52	6,47
Китай	2008-2012	потребление	8,87	8,23
Словакия	2010-2015	доход	-0,62	-0,61
Эстония	2010-2015	доход	6,15	6,62
США	2010-2016	доход	1,33	1,65
Турция	2011-2016	потребление	2,53	3,47
Норвегия	2010-2015	доход	2,11	2,95
Венгрия	2010-2015	доход	1,19	1,73
Швеция	2010-2015	доход	0,62	1,91
Болгария	2009-2014	доход	0,43	2,11
Румыния	2010-2015	доход	0,06	1,14
Германия	2007-2011	доход	0,82	-0,29

Примечание. Упорядочено по соотношению показателей темпов роста нижних 40% и всего населения. Серым фоном выделены страны, где степень неравенства по методике оценки Всемирного банка сокращалась.

Источник. Global Database of Shared Prosperity, circa 2010-2015¹.

доступных по 52 странам)² и восполнение пробелов в данных эконометрическими методами; 2) оценка связи распределения совокупного

¹ Global Database of Shared Prosperity, circa 2010-2015. World Bank 2018 [Электронный ресурс]. <http://pubdocs.worldbank.org/en/280281524500540582/GDSP-circa-2010-2015-Apr-12-2018.pdf>.

² Данные охватывают, согласно оценкам исследователей, 96% мирового богатства и 65% населения мира. Данные по России неполны, доступны исключительно финансовые данные HBS. Согласно приведенной в Databook информации, источником статистики по бюджетам домашних хозяйств в России является Unicredit: CEE Households' Wealth and Debt Monitor and Central Bank of the Russian Federation (более подробно об использованных данных см.: Credit Suisse. Global Wealth Databook 2017. Credit Suisse group AG. Switzerland, p. 5, 11).

богатства с распределением доходов (доступной по 31 стране) и составление на этой основе приблизительных оценок по остальным 137 странам; 3) дополнение статистики данными Forbes о численности долларовых миллиардеров в анализируемых странах (доступными по 44 странам) и присвоение остальным средним значений тех регионов, к которым они принадлежат.

Глубину неравенств внутри отдельных стран можно оценить по показателю *индекса Джини по богатству* (при этом необходимо учитывать, что в силу проблем с доступностью

качественных данных показатели распределения богатства по большинству стран являются оценочными — для стран, не имеющих данных о распределении богатства, они основываются на расчетах по аналогии со странами, где такие данные представлены). Индекс Джини по богатству оказывается значимо выше, чем более привычный индекс Джини по доходам — его значения, исключая выбросы, колеблются от 42,8 до 94,2% (рис. 2).

По данному показателю Россия находится на 20-м месте среди стран, упорядоченных по его убыванию, а величина индекса Джини по богатству в России составляет 82,6%. Учитывая то, что данный показатель рассчитывается для 171 страны, Россия оказывается в числе стран-лидеров, распределение богатства в которых наиболее неравномерно, и значительно опережает в этом отношении практически все развитые страны, за исключением США.

Обращение к показателям концентрации богатства (доли совокупного богатства, находящегося в собственности у 1%, 5% и 10% богатейших жителей стран) еще в большей степени позиционирует Россию как страну с чрезмерным неравенством (рис. 3).

Так, в собственности 10% богатейших жителей России находятся, по оценкам аналитиков,

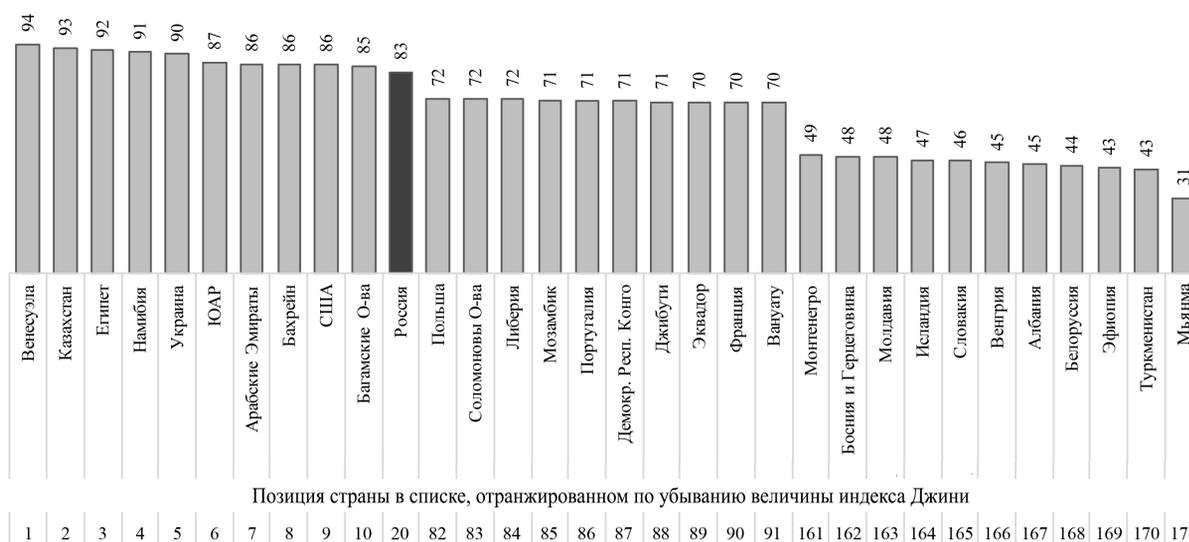
77% совокупного богатства страны. По этому показателю Россия уступает только Таиланду и Швеции (79% и 78%). По показателю концентрации у 5% и 1% богатейших Россия выходит на 2-е место (71% и 56%), уступая только лишь Таиланду, различия с которым колеблются в пределах статистической погрешности. Таким образом, Россия является одним из двух бесспорных лидеров по неравенству, опережая даже такие страны, как США, ЮАР, Китай.

Столь неутешительная картина объясняется аналитиками Credit Suisse особенностями реализации в России процессов приватизации и характерной для страны институциональной среды:

«На момент перехода еще были надежды на то, что Россия перейдет в высококвалифицированную и высокодоходную экономику с сильными программами социальной защиты, унаследованными со времен Советского Союза. Это почти пародия на то, что произошло на деле. С самого начала были предприняты усилия по справедливому распределению государственных активов: большая часть жилищного фонда была передана резидентам, а акции "Газпрома" были выделены гражданам России. Но другие активы в богатых ресурсами компаниях попали к избранным немногим, и последующие события в стране, славящейся

Рисунок 2

ВЕЛИЧИНА ИНДЕКСА ДЖИНИ ПО БОГАТСТВУ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА, 2017 г. (%)

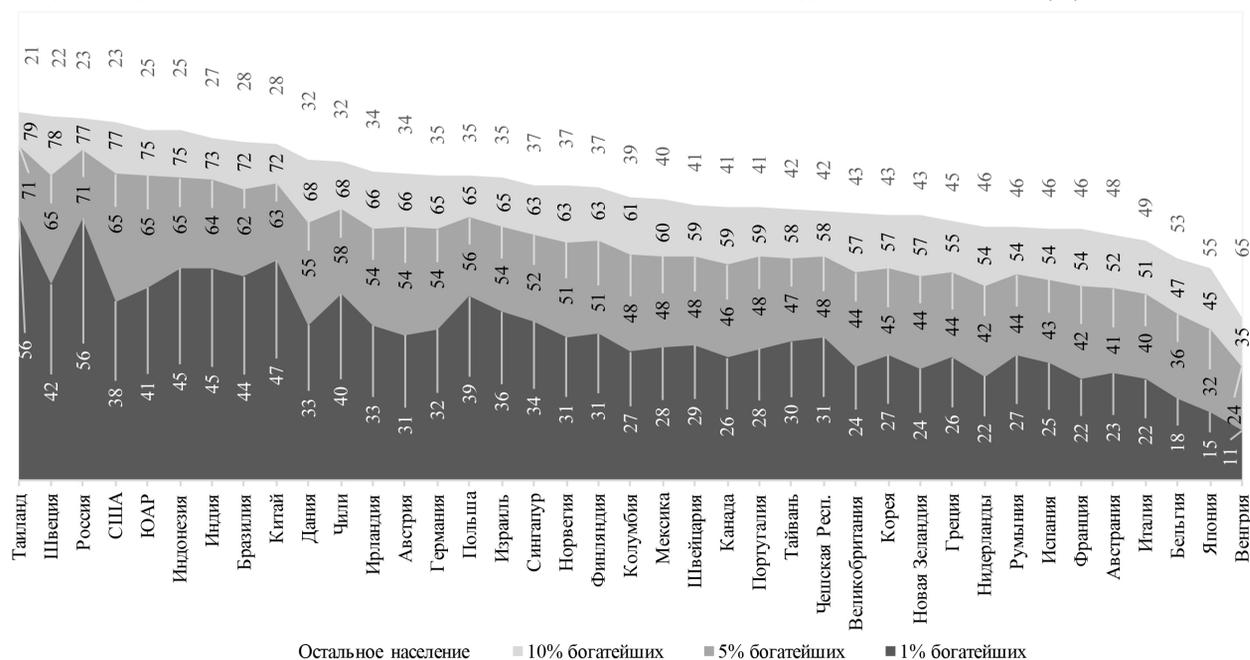
Примечание. На рисунке представлена лишь часть стран из общего списка, медианное значение — 70,9 (Португалия).

Источник. Статистический сборник Credit Suisse¹

¹ Credit Suisse. Global Wealth Databook 2017. Credit Suisse group AG. Switzerland, p. 113-115, 159.

Рисунок 3

КОНЦЕНТРАЦИЯ БОГАТСТВА У 1%, 5% И 10% БОГАТЕЙШИХ ЖИТЕЛЕЙ КАЖДОЙ ИЗ СТРАН, 2017 г. (%)

Примечание. Страны упорядочены по уменьшению показателя концентрации богатства у верхнего дециля.

Источник. Статистический сборник Credit Suisse¹.

ся слабыми институтами, усилили важность политических связей, а не предпринимательских талантов»².

С целью уточнения ситуации в России в последний год исследователями, предоставляющими данные в Credit Suisse, была проведена работа по повышению качества данных, поскольку оно оценивалось специалистами как неоднозначное. Прделанная работа отразилась в том, что по сравнению с отчетами 2012–2016 годов структура российского общества, представленная в новом отчете, изменилась — сместилась «вверх» по общей вертикали богатства (т.е. увеличилась доля более обеспеченных и снизилась доля наименее обеспеченных слоев населения); изменились и другие показатели, причем некоторые из них — в разы (в полтора, два, четыре раза и т.д.). По этой причине предоставляемая в отчетах аналитика для России воспринимается неоднозначно, вопрос о доверии к ней дискутируется. Однако методологические сложности с измерением богатства и несовершенством данных пока не удалось преодолеть ни в одном из реализуемых международных исследовательско-аналитических проектов, по-

этому оценки Credit Suisse дают важные точки отсчета для оценки неравенства богатства в стране на общемировом фоне, что отмечают и российские экономисты³.

Всемирная база данных о неравенстве и доклад о мировом неравенстве

Еще одним крупным проектом, работающим с проблематикой неравенства в международной перспективе и сосредоточенным на монетарном аспекте неравенства, прежде всего, концентрации доходов и богатства⁴, является *Всемирная база данных о неравенстве* (World Inequality Database⁵). Ее целью является обеспечение открытого доступа к данным об исторической эволюции распределения доходов и богатства в мире — как в рамках отдельных стран, так и в международной сравнительной перспективе. Проект объединяет ключевых ученых, работающих с проблематикой монетарного неравенства в мире в последние годы (Т. Пикетти, Э. Саец, Э. Аткинсон и др.).

³ Гуриев С., Цивинский О. Россия — лидер по неравенству распределения богатства // Ведомости. № 210 (3224). 2012. 6 нояб.

⁴ В первоисточнике используется понятие wealth; в переводах используются термины «имущество», «активы» и пр. Здесь и далее мы используем термин «богатство».

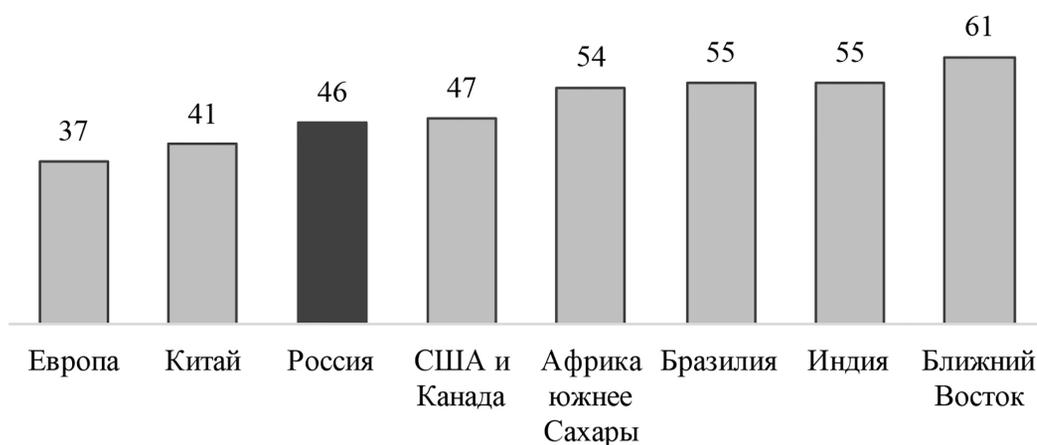
⁵ Подробнее см. на официальном сайте (доступно: <http://wid.world/>).

Оценки неравенства проводятся на основании совмещения данных из различных источников, среди которых: оценки совокупных доходов и имущества в национальной статистике (включая оценки имущества, выведенного за рубеж), выборочные обследования по доходам и имуществу домохозяйств; фискальные и административные данные по подоходным налогам, данные о наследовании, рейтинги по уровню богатства. Методы расчетов включают техники интерполяции и конструирование поправочных коэффициентов для верхних процентилей доходного распределения. Методология, используемая при расчетах, едина для всех стран, входящих в базу данных, что позволяет проводить межстрановые сравнения.

Результаты, изложенные в последнем на данный момент докладе о неравенстве в мире (2018)¹, свидетельствуют о том, что в последние десятилетия неравенство в доходах росло практически во всех странах мира, но разными темпами. Выше всего неравенство в доходах на Ближнем Востоке, ниже всего – в Европе; Россия находится в этом отношении ближе к Европе, но опережает и ее, и Китай. Так, по оценкам авторов, в 2016 году доля национального дохода, приходящегося на 10% населения с наиболее высоким уровнем дохода, составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде (рис. 4).

Рисунок 4

ДОЛЯ ВЕРХНЕГО ДЕЦИЛЯ (10%) ПО ДОХОДАМ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДОХОДЕ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ МИРА В 2016 г.

Источник. Доклад о неравенстве в мире³.

Работающие с базой данных исследователи отмечают, что официальные оценки неравенства в России значительно недооценивают его рост с 1990-х годов. Доля доходов, приходящаяся на верхний процент населения, сейчас составляет около 20-22%, что примерно соответствует или оказывается даже выше, чем аналогичный показатель для США, и значительно выше, чем в Китае и других посткоммунистических странах Восточной Европы, где доли верхнего процента по доходам находятся в интервале 10-14%².

Авторы объясняют этот факт особенностями той стратегии перехода к рыночной экономике, которая была использована в России, – особенно резкой «шоковой терапией» и стратегией приватизации, которая позволила небольшим группам индивидов приобрести значительные объемы приватизационных чеков (ваучеров) по низкой цене. Утверждается также, что институциональные условия, сложившиеся в России, позволили крупным собственникам влиять на «правила игры», в то время как в других странах Восточной Европы складывался иной институциональный контекст – с более весомой ролью закона, защитой прав собственности и более успешным созданием институтов рыночной экономики. Все это привело к высоким уровням концентрации доходов и богатства в России по сравнению с другими странами Восточной Европы. Авторы отмечают, что

¹ Alvarado F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report 2018. Executive Summary (Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. Русская версия). World Inequality Lab.

² Novokmet F., Piketty T. & Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016 (No. w23712). National Bureau of Economic Research 2017.

³ Alvarado F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report 2018. Executive Summary (Доклад о неравенстве в мире – 2018. Основные положения. Русская версия). World Inequality Lab. С. 6.

важную роль могло играть и неравенство трудовых доходов, и особенности рынка труда, однако данные, которые они используют, не позволяют отдельно выделить и проанализировать влияние этих факторов.

В итоге рост неравенства в России после 1980 года считается авторами доклада высоким (как и в Северной Америке, Китае, Индии; рост неравенства в Европе оценивается ими как умеренный). Мировой «рубеж» неравенства представлен странами Ближнего Востока, Южной Африки и Бразилии – в этих регионах неравенство характеризуется очень высоким, но стабильным уровнем.

Безусловно, переходный период привел к значительному росту не только неравенства, но и общего уровня доходов населения и сближению в этом отношении России с Западной Европой. По оценкам авторов (хотя они и были уже подвергнуты критике со стороны некоторых российских исследователей), уровень жизни в России в 1989-1990 годы соответствовал 60-65% от типичного для Западной Европы и возрос до 70-75% к 2010 году, однако этот рост был неравномерным и отразился в усилении неравенства в стране. *Рост неравенства после распада СССР был стремительным: доля доходов верхнего 1% выросла с менее чем 6% в 1989 году до 16% в 1996 и более чем 26% – в 2008-м. После кризиса 2008-2009 годов она сократилась и стабилизировалась на уровне 20-22% после 2010 года.* Доля доходов верхних 10% также демонстрировала достаточно резкое увеличение – с менее чем 25% в 1990-1991 годы до более чем 46% в 1996, дальше происходил ряд колебаний, но сейчас она находится на этом же уровне.

Этот рост доли доходов верхних групп сопровождался резким снижением доли нижних 50% по доходам – с 30% в 1990-1991 годы до менее чем 10% в 1996-м, восстановившись затем до 15% в 1998-м и до 18% в 2015-м. В развитие этой тенденции сыграла гиперинфляция, происходившая в 1990-1996 годы и значительно повлиявшая на положение нижних 50%, в составе которых была высока доля пенсионеров и низкооплачиваемых работников, чьи номинальные зарплаты не в полной мере индексировались в соответствии с ростом цен, что привело к масштабному перераспределению и росту бедности. Рост зарплат и пенсий в 1996-2015 годы несколько компенсировал это падение, но доля нижних 50% так и не вернулась к показателям 1990-1991 годов.

Если рассматривать период 1989-2016 годов в целом, то средний национальный доход в рас-

чете на одного взрослого возрос на 41%, однако эффект того роста по-разному распределился на разные доходные группы – для нижних 50% он был низким или даже отрицательным, для средних 40% – положительным, но очень сдержанным, а для верхних 10% темпы роста были очень высоки.

Оценивая доли наиболее благополучных по доходам россиян, авторы подчеркивают, что данные по налогам, даже не являясь полными и требующими введения при работе с ними определенных предпосылок, при любом сценарии дают гораздо более высокие оценки числа россиян с наиболее высокими доходами, чем данные обследований бюджетов домашних хозяйств, поэтому оценки неравенства – в частности, доли верхних 1% и 10% в доходном распределении – оказываются гораздо выше, чем следует из данных исследований.

Если же говорить о *неравенстве по богатству среди населения*, то в России оно значительно выросло при переходе к рынку – *доля верхнего 1% в общем богатстве всех домохозяйств увеличилась с 22% в 1995 году до 43% в 2015 году.* Эта доля выше, чем в США (39% в 2014-м), Китае (30% в 2015-м), Франции и Великобритании (в двух последних странах рост концентрации богатства был более умеренным за счет роста недвижимого имущества среднего класса).

Исследователи отмечают, что в этом отношении оценки по России отличаются высокой долей неопределенности. Число российских миллиардеров, включенных в международные рейтинги – например, Forbes, – очень велико по международным стандартам. По данным Forbes, *совокупное богатство миллиардеров* (также отражающее неравенство в стране) было очень низким в России в 1990-е, резко выросло в 2000-е и стабилизировалось на уровне 25-40% национального богатства между 2000 и 2015 годами (с вариациями в связи с экономическими кризисами). Эти доли значительно выше, чем характерные для западных стран, – совокупное богатство миллиардеров, по оценкам Forbes, составляло от 5 до 15% национального богатства в США, Германии и Франции в 2005-2015 годы, несмотря на то что средние доходы и среднее богатство населения в этих странах гораздо выше, чем в России¹, и это подчеркивает экстремальную концентрацию богатства в России. Проблема, однако, состоит в том, что эти данные относятся лишь к очень небольшой группе

¹ Novokmet F., Piketty T. & Zucman G. (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 (No. w23712). National Bureau of Economic Research. P. 13.

россиян (около 100 миллиардеров – граждане России), и переход к оценкам доли богатства верхних 10%, 1% или даже 0,1% требует введения определенных допущений и предположений.

Европейский банк реконструкции и развития: Доклад о переходном процессе 2016-2017 годов «Реформы для всех. Равные возможности в мире неравенства»

Европейский банк реконструкции и развития ежегодно, начиная с 1994 года, готовит доклад о переходном процессе (EBRD Transition Report), в котором рассматриваются происходящие в бывших странах коммунистического лагеря экономические трансформации (на фоне стран Западной Европы, а также других стран, в которых работает ЕБРР). Доклад за 2016-2017 годы «Реформы для всех. Равные возможности в мире неравенства»¹ впервые был посвящен вопросам неравенства и экономической инклюзии, причем в нем рассматривалось не только монетарное измерение неравенства, но и *проблема неравенства возможностей – влияния обстоятельств рождения (пол, этническая принадлежность, место рождения, характеристики родительской семьи) на возможности получить образование, хорошую работу, добиться высокого уровня дохода*. Авторы доклада отмечают, что неравенство возможностей является неэффективным и несправедливым – оно не дает населению полностью реализовать свой потенциал и может негативно влиять на долгосрочное развитие страны в целом. Неравенство возможностей также способно ослабить поддержку ключевых экономических и политических институтов, поддерживающих демократию и рыночную экономику, так, эконометрический анализ показывает, что неравенство возможностей в этом отношении значит больше, чем неравенство доходов. Эмпирической базой для анализа выступают данные Всемирного банка и ОЭСР, а также очередного раунда обследования «Жизнь во время реформ» (Life in Transition Survey), проведенного ЕБРР и Всемирным банком в 34 странах в 2015-2016 годы (объем выборки – более 51 000 домохозяйств).

В главе, посвященной монетарному аспекту неравенства (неравенству по доходам) и тенденциям его изменений, приводятся данные по соотношению темпов роста доходов у населения из разных процентилей по доходам со средним темпом роста доходов по стране в

период 1989-2016 годов. Только 27% населения посткоммунистических стран в этот период характеризовались темпом роста доходов не ниже среднего, в то время как для остальных 73% темпы роста их доходов были ниже среднего по стране. Для России это соотношение составляет 23% к 77%. Таким образом, *темпы роста не ниже среднего в период 1989-2016 годов характеризовали положение тех россиян, кто находится в 77-м процентиле доходного распределения и выше*, а оказавшиеся в верхних 10% доходного распределения характеризовались ростом доходов, в более чем 6 раз превышающим медианный рост доходов по стране. По этому показателю Россия оказывается близка к Белоруссии, Молдавии, Эстонии.

При этом сами темпы роста для разных стран отличаются. В ряде стран показатели роста доходов для всего населения не превысили аналогичных средних показателей стран «Большой семерки», в некоторых странах, наоборот, рост доходов у населения, независимо от их положения в доходном распределении, превысил эти средние показатели (что означает сокращение дистанции между данными странами и странами «Большой семерки»). Россия в этом отношении занимает промежуточное положение – почти для 60% населения рост доходов оказался ниже, чем средний показатель «Большой семерки», а для верхних 40% доходного распределения он оказался выше. «Соседями» России в этом отношении оказываются Хорватия и Латвия.

Другая часть доклада посвящена *неравенству возможностей – в частности, различиям в доходах, возникших в результате влияния обстоятельств рождения (пол, место рождения – город или село, этническая принадлежность, уровень образования отца и матери, принадлежность отца и матери к коммунистической партии)*. Эти индикаторы используются для построения регрессионной модели, предсказывающей индивидуальные доходы исключительно на основании данных аскриптивных характеристик. Далее, предсказанные доходы используются для оценки *индекса Джини по возможностям – рассчитанный таким образом индекс показывает неравенство доходов, которое связано с различием обстоятельств рождения и может считаться неравенством возможностей*. Этот индекс всегда ниже, чем индекс Джини для неравенства доходов в целом, поскольку только часть дохода (и, соответственно, доходного неравенства) объясняется обстоятельствами, в то время как другая часть связана с индивидуаль-

¹ EBRD (2017). Transition Report 2016-2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. European Bank for Reconstruction and Development, London.

ными усилиями, а также обстоятельствами, не учтенными в анализе.

В России неравенство возможностей оказывается заметно выше не только по сравнению со странами Западной Европы, но и со многими странами Центральной Европы и Балтии (Хорватии, Словении, Польши, Венгрии), Юго-Восточной Европы, Украины и Белоруссии, странами Центральной Азии. Индекс Джини, измеряющий неравенство возможностей, превышает российский только в нескольких из рассматриваемых ЕБРР стран – Казахстане, Армении, Молдавии, Грузии, Турции, Косово, Латвии, Эстонии (рис. 5, левая ось).

Кроме индекса Джини для неравенства возможностей, интерес представляет и показатель относительного неравенства возможностей, который показывает, какая доля общего неравенства доходов объясняется неравенством возможностей (рис. 5, правая ось). В России этот показатель превышает 30%, что ставит страну в один ряд с Турцией, Румынией, Хорватией, и означает, что более трети доходного неравен-

ства в стране объясняется аскриптивными характеристиками, связанными с обстоятельствами рождения. Основная причина неравенства возможностей – образовательные характеристики родителей, затем следуют пол и место рождения.

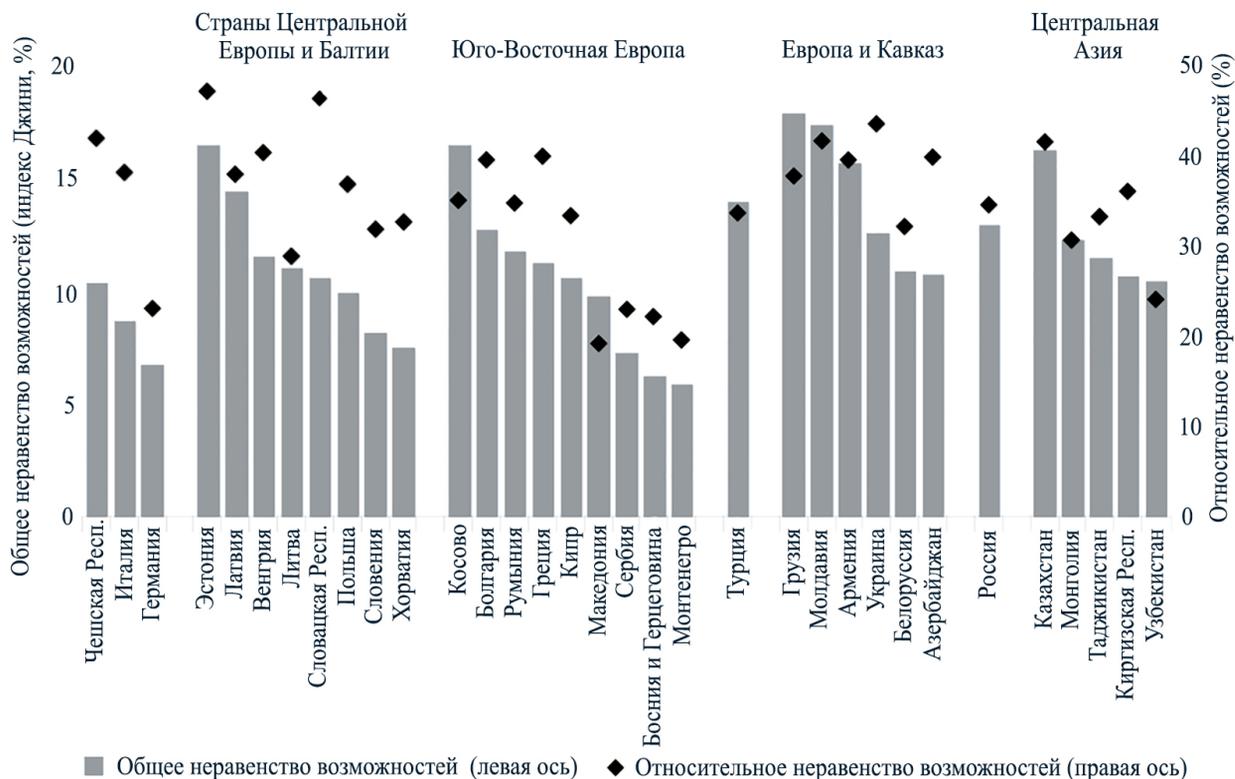
В докладе отмечается, что, как правило, чем выше неравенство возможностей в стране, тем выше и доходное неравенство. Эта взаимосвязь выше в странах в высоком неравенством и ниже среди стран с меньшим неравенством. В частности, в Германии и ряде стран Юго-Восточной Европы неравенство возможностей относительно низкое по сравнению с индексом Джини для неравенства доходов (рис. 6). Среди рассматриваемых стран Россия занимает срединное положение, но находится все же ближе к полюсу высоких неравенств и по доходам, и по возможностям.

ООН: Индекс человеческого развития

Существует еще одна методика измерения неравенства, также включающая в себя не только доходные, но и немонетарные не-

Рисунок 5

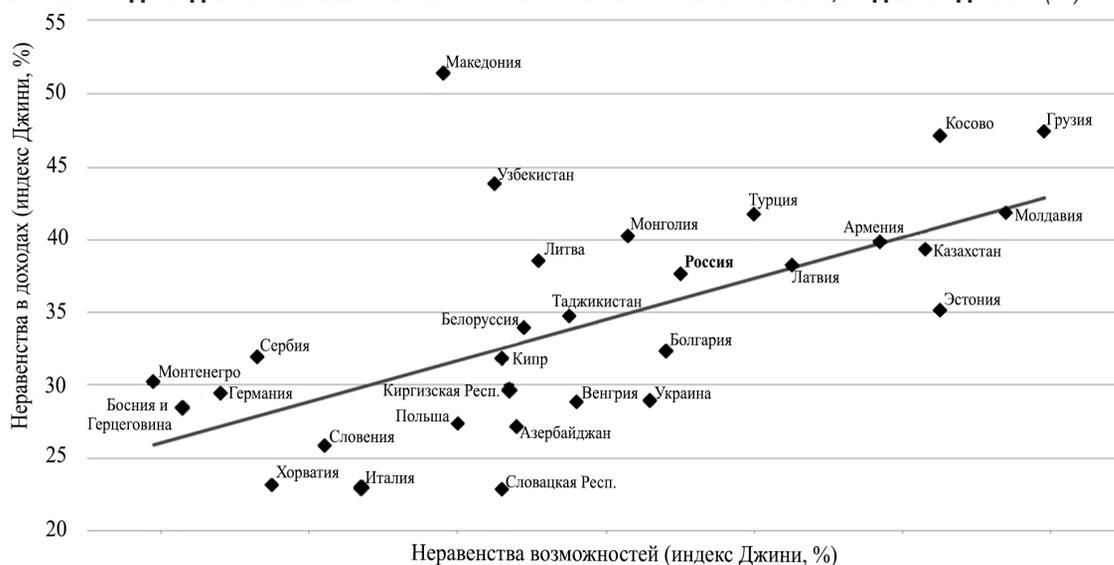
ОБЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ (ИНДЕКС ДЖИНИ) И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Источник. EBRD Transition Report 2016–2017¹.

¹ EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017. P. 46.

Рисунок 6

НЕРАВЕНСТВО ПО ДОХОДАМ И НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, ИНДЕКСЫ ДЖИНИ (%)

Источник. EBRD Transition Report 2016-2017¹.

равенства, которая используется начиная с 1990 года Организацией Объединенных Наций в рамках подготовки ежегодных докладов о человеческом развитии. Последний доклад, данные которого будут представлены далее², был опубликован в 2016 году и представляет статистику вплоть до 2015-го по 188 странам мира. Ключевым фокусом докладов выступает сопоставление индексов человеческого развития (ИЧР) стран – участников исследования. В основе индекса заложены три статистических макропоказателя – ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемое и среднее количество лет обучения и валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения, которые запрашиваются у международных организаций³.

Макропоказатели, заложенные в основу расчета индекса, являются агрегированными и не учитывают глубины неравенства по ним у представителей населения стран. По этой причине в рамках доклада уделяется большое внимание *корректировке ИЧР с применением коэффициентов неравенства*, которые основыва-

ются на выборочных обследованиях⁴ и позволяют учесть дисперсию во внутристрановых показателях. Степень неравенства анализируется как для каждой из трех сфер (*коэффициенты неравенства в ожидаемой продолжительности жизни, образовании и доходах*), так и в целом для ИЧР (*коэффициент неравенства людей*, который является средним арифметическим трех предыдущих). ИЧР, скорректированный на неравенство (ИЧРН), тем сильнее отличается от ИЧР в меньшую сторону («дисконтируется»), чем выше неравенства в стране. Для углубления анализа используется также расчет ИРЧ для мужчин и женщин с сопутствующими показателями, среди которых присутствует индекс гендерного неравенства, а также индекс многомерной бедности, основанный на немонетарных показателях. Таким образом, ООН использует пять показателей неравенств для всесторонней оценки человеческого развития стран. Остановимся подробнее на первых четырех, используемых для корректировки ключевого показателя (ИЧР).

Способ расчета степени неравенств по трем сферам (образованию, продолжительности жизни и доходу⁵) единообразен и основан

¹ EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017. P. 47.

² ООН. Доклад о человеческом развитии – 2016. Человеческое развитие для всех и каждого (доступно: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf), является источником данных для табл. 3-5.

³ Для данных по 1) ожидаемой продолжительности жизни – UNDESA, 2) по ожидаемой и средней продолжительности обучения – у UNESCO, UNICEF и ICF, 3) по ВНП – у IMF, UNSD и Всемирного банка.

⁴ Подробно об использованных базах данных и методике расчетов индексов см. на официальном сайте исследования (доступно по ссылке: <http://hdr.undp.org/en/statistics/ihdi/>).

⁵ При расчете степени неравенства в доходах проблема присутствия чрезвычайно высоких, а также нулевых и отрицательных доходов решается в первом случае путем отсеивания верхних 0,5% значений доходного распределения, а во втором – заменой их на минимальное значение нижних 0,5% распределения.

на методиках построения составных индексов, чувствительных к распределению, предложенных Фостером, Лопес-Кальвой и Секели¹, которые, в свою очередь, восходят к семейству неравенств, разработанных Аткинсоном². Мера неравенства рассчитывается через соотношение среднего геометрического к среднему арифметическому. Для простоты восприятия показатель переводится в процентный вид. Корректировка ИЧР с учетом существующих в обществе неравенств производится путем умножения ИЧР на геометрическое среднее всех трех неравенств. Коэффициент неравенства между людьми рассчитывается как арифметическое среднее трех показателей неравенств и также переводится в процентный вид.

Согласно расчетам, неравенства в России преимущественно (за исключением доходных) невысоки. Наименьшее неравенство среди трех ключевых сфер наблюдалось в России в 2015 году по показателю ожидаемой (и средней) продолжительности обучения. Несмотря на то что в материалах не приводятся как таковые

рейтинги по показателям неравенств, упорядочивание возможно произвести по имеющимся данным. Если упорядочить страны по этому показателю на 2015 год от минимальной величины неравенств до максимальной, Россия попадает на 6-7-ю позицию (2,2% у России и Грузии). Меньших неравенств в образовании на момент оценки добились лишь Чехия, Узбекистан и Словацкая Республика, Австралия и Финляндия (табл. 4). Причем с 2010 года Россия совершила значимый рывок с 55-й позиции, снизив степень неравенств с 11,2% в 2010-2011 годы. Таким образом, в 2015 году Россия оказывается среди верхних 5% стран мира с наименьшими неравенствами по этому показателю. На последних позициях в 2015 году расположились страны, неравенства в которых по этому показателю существенно превышают российские: Восточный Тимор, Коморские Острова, Йемен и Гвинея.

В области ожидаемой продолжительности жизни российские позиции не так хороши, но устойчивы (табл. 5). Так, если упорядочить

Таблица 4

НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Чешская Респ.	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4
2 Узбекистан	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4
3 Словацкая Респ.	1,7	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4
4 Австралия	1,7	1,7	1,7	1,8	1,9	1,9
5 Финляндия	4,7	2,1	2,4	2,1	2,1	2,0
6 Грузия	4,9	3,3	3,3	3,3	3,3	2,2
7 Россия	11,2	11,2		2,1	2,3	2,2
8 Эстония	3,1	2,7	2,6	2,5	2,4	2,3
9 Норвегия	2,4	2,2	2,2	2,4	2,3	2,4
10 Исландия	2,6	2,6	2,5	2,5	2,4	2,5
11 Германия	2,3	1,8	1,8	2,4	2,4	2,6
12 Словения	4,0	3,1	3,3	2,7	2,6	2,6
13 Великобритания	2,1	2,2	2,6	2,6	2,8	2,8
14 Дания	3,0	3,1	3,1	3,1	3,0	3,0
156 Сьерра-Леоне	48,2	47,4	47,4	48,7	49,6	47,3
157 Восточный Тимор	44,3	47,4	47,6	47,6	47,6	47,6
158 Коморские Острова	47,4	47,4	47,4	47,4	47,6	47,6
159 Йемен	49,8	49,8	49,8	47,2	48,1	48,1
160 Гвинея	42,6	42,0	42,0	42,0	48,3	48,3

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии, ООН, 2016.

¹ Foster J., Lopez-Calva L., Szekely M. (2005). Measuring the Distribution of Human Development: Methodology and an Application in Mexico. *Journal of Human Development and Capabilities*, 6(1): 5–25.

² Atkinson A. (1970). On the Measurement of Economic Inequality. *Journal of Economic Theory* 2(3): 244–263.

страны аналогичным образом (от минимальных неравенств до максимальных), Россия оказывается на 63-й позиции как в 2010 году, так и в 2015-м. При этом глубина неравенств за эти

годы снизилась с 11,5 до 8,8% соответственно. Позиция России на общемировом фоне не изменилась потому, что остальные страны мира, характеризующиеся меньшими неравенствами в продолжительности жизни, добились схожих успехов по их снижению за эти годы. Например, страны, занимающие первые пять позиций в 2015 году (Люсембург, Гонгконг, Исландия,

Сингапур и Италия), смогли снизить неравенства в этой области приблизительно в полтора-два раза. Последние позиции рейтинга 2015 года заняли такие страны, как Центрально-Африканская Республика, Ангола и Чад.

Неравенства по доходам с 2010 по 2015 год выросли с 11,9 до 17,7% (табл. 6). Несмотря на, казалось бы, относительно невысокий при-

Таблица 5

НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Люксембург	4,8	3,5	3,5	3,3	3,3	2,6
2 Гонгконг	4,1	2,9	2,9	2,8	2,8	2,8
3 Исландия	3,5	3	3	2,8	2,8	2,9
4 Сингапур	3,8	2,9	2,9	2,8	2,8	3
5 Италия	4,3	3,9	3,9	3,4	3,4	3
61 Украина	11	10,5	10,5	10,4	10,4	8,7
62 Гренада		9,6	9,6	8,4	8,4	8,7
63 Россия	11,5	10,8	10,8	9,8	9,8	8,8
64 Китай	15,6	13,5	13,5	9,8	9,8	8,9
65 Молдавия	13,1	11,2	11,2	11	11	9
181 Сьерра-Леоне	44,5	45,3	45,3	51,2	51,2	43,4
182 Гвинея-Бисау	52,5	50,1	50,1	45,3	45,3	44,6
183 Центрально-Африканская Респ.	49,8	46	46	45,7	45,7	45,7
184 Ангола	53,7	46,1	46,1	46,2	46,2	46,2
185 Чад	54,5	52	52	46,1	46,1	46,2

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии, ООН, 2016.

Таблица 6

НЕРАВЕНСТВА В ДОХОДАХ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Азербайджан	4,4	4,5	4,5	4,5	8,9	8,9
2 Украина	10,4	10,9	10,9	10,9	9,2	9,2
3 Эфиопия	20,8	20,8	20,8	9,5	9,5	9,5
4 Белоруссия	11,1	12,1	12,1	11,1	10,8	9,7
5 Норвегия	13,1	10,6	12,8	10,7	10,2	10,4
48 Австралия	16,6	16,6	16,6	16,6	17,7	17,7
49 Хорватия	27,8	27,8	27,8	17,6	17,2	17,7
50 Россия	11,9	11,9	11,9	22,9	18,7	17,7
51 Киргизия	12,2	12,2	24,1	24,1	17,7	17,7
52 Восточный Тимор	19,2	17,8	17,8	17,8	17,8	17,8
150 Центрально-Африканская Респ.	28,1	28,1	28,1	28,1	49,2	49,2
151 Намибия	68,3	68,3	68,3	68,3	68,3	53,6
152 Ботсвана				55,5	55,5	55,5
153 Коморские Острова	54				56	56
154 Южная Африка	40,9				57,3	56,4

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии, ООН, 2016.

рост показателя, положение России на фоне других стран значительно ухудшилось – с 8-й позиции в 2010 году Россия опустилась на 47-50-е позиции, разделив их с такими странами, как Австралия, Хорватия и Киргизия. Описанный рост степени неравенства по доходам был неравномерным – в 2013 году наблюдался максимальный скачок в значениях (до 22,9%), что определило Россию в 2013-м на 82-ю позицию среди 154 стран, упорядоченных по убыванию доходного неравенства, данные по которым были доступны для исследования. Таким образом, *неравенства в доходах россиян наименее стабильны по сравнению с неравенствами в образовании и продолжительности жизни и наиболее негативно отражаются на позиционировании России на общемировой арене.* Страной с наибольшей глубиной неравенств по доходам в 2015 году согласно этой методике расчета была ЮАР (56,4%).

Успехи России в области образования и продолжительности жизни частично нивелируют негативные тенденции в области доходных неравенств, в результате чего Россию можно оценить как страну с достаточно невысокими совокупными неравенствами между людьми. Среди 151 страны мира, ранжированной по данным 2015 года по возрастанию совокупного неравенства, Россия находится на 29-м месте со значением неравенства равным 9,6% (табл. 7). Таким образом, *по совокупному показателю неравенств*

Россия попадает в верхние 20% стран с небольшими неравенствами. Отметим, что динамика совокупных неравенств была положительной – в 2010 году Россия занимала 39-ю позицию со значением совокупных неравенств равным 11,5%. Наименьшее неравенство в 2015 году наблюдалось у Чешской Республики (5,3%), Норвегии (5,4%), Исландии и Финляндии (5,7%), а наибольшее – в таких странах, как Чад (39,6%), Центрально-Африканская Республика (43,1%) и на Коморских Островах (44,8%).

Таким образом, учет не только монетарного, но и *немонетарных измерений неравенств, т.е. дополнение картины неравенства по доходам неравенствами в ожидаемой продолжительности жизни и образовании, значительно улучшает позиционирование России на общемировой арене.*

Основные выводы

Измерение неравенства связано с рядом методологических и методических вопросов, различия в решении которых, в совокупности с использованием тех или иных источников данных, приводят к разным оценкам его степени и глубины. В статье нами были рассмотрены прежде всего оценки монетарного неравенства в России (неравенства доходов и неравенства богатства) в сравнении с другими странами мира.

Оценки неравенства доходов, связанные с распределением доходов по населению в целом

Таблица 7
НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Чешская Респ.	5,9	4,9	5,3	5,5	5,4	5,3
2 Норвегия	6,5	5,5	6,2	5,5	5,3	5,4
3 Исландия	6,5	5,8	6,2	5,6	5,8	5,7
4 Финляндия	7,4	5,5	5,9	5,5	5,5	5,7
5 Словения	6,8	5,2	5,8	5,7	5,8	5,8
27 Франция	9,2	9,1	9	8,9	8,6	9,3
28 Польша	10,6	9,6	9,7	9,7	9,6	9,3
29 Россия	11,5	11,3		11,6	10,3	9,6
30 Испания	9,5	8,8	9,8	10,5	11,0	10,1
31 Португалия	11,5	9,9	10,4	9,8	10,0	10,1
147 Гвинея-Бисау	41,8	41,0	41,0	39,4	39,4	39,1
148 Гаити	40,5	39,8	39,8	38,9	38,2	39,2
149 Чад	37,7	38,8	38,8	36,8	39,6	39,6
150 Центрально-Африканская Респ.	41,3	40,0	40,0	39,9	43,1	43,1
151 Коморские Острова	42,8				45,9	44,8

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии (ООН, 2016).

(измеряемые обычно с помощью индекса Джини), показывают для России картину высокого, особенно на фоне западноевропейских стран, но не максимального неравенства (данные ФСГС РФ, Всемирного банка). Более того, данные Всемирного банка показывают, что неравенство в России в последние годы (2009-2013) сокращалось, поскольку доходы нижних 40% населения росли быстрее, чем в среднем, но к 2015 году этот процесс замедлился в результате экономического кризиса. Однако данные других организаций, рассматривающих более длительный период новейшей истории России (начиная с 1990-х), говорят о росте неравенства в стране.

Измерение неравенства через показатели концентрации доходов дает качественно иную картину. На общемировом фоне Россия характеризуется очень высокими показателями концентрации доходов в руках верхних 1-10% населения; еще выше показатели концентрации богатства, по которым Россия оказывается мировым лидером (оценки доли доходов и богатства в руках наиболее обеспеченного населения при этом достаточно сильно расходятся — например, разные данные дают Credit Suisse и Всемирная база данных о неравенствах, — что вызвано различиями методик и используемых данных). Экстремальная концентрация доходов и богатства в России обычно связывается аналитиками международных организаций с особенностями выбранного пути перехода к рыночной экономике и спецификой институциональных условий, сложившихся в стране.

Однако с точки зрения разработки мер социально-экономической политики для борьбы с неравенством нужно учитывать, что концентрация доходов/богатства и монетарное неравенство в массовых слоях населения, хотя и характеризуют с разных сторон степень неравенства в стране в целом, представляют собой все же разные явления, требующие различных механизмов для управления ими. Для борьбы с высокой концентрацией богатства такими механизмами могут быть налоги на сверхдоходы и богатство, на наследство, на получаемые ренты, а также, в случае России, изменение институциональных условий (повышение прозрачности и стандартов управления) и диверсификация экономики для снижения роли сырьевого сектора. На решение проблемы неравенства в массовых

слоях населения направлены механизмы перераспределения (в частности, прогрессивные системы налогообложения) и адресные меры социальной поддержки, позволяющие сократить отрыв нижних слоев населения от средних и высших, а также различные механизмы, направленные на обеспечение равенства возможностей — прежде всего в доступе к образованию и рабочим местам, — что позволяет укрепить позиции нижних слоев населения.

В статье также показано, что в международной практике предпринимаются попытки провести сравнительный анализ неравенства возможностей в разных странах, однако неравенство возможностей также обычно связывается с монетарным неравенством и оценивается через влияние индивидуальных обстоятельств рождения (пол, социально-экономический статус родителей, место рождения) на доходы. Согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития, индекс Джини по неравенству возможностей в России на общемировом фоне достаточно высок; кроме того, более трети доходного неравенства в стране объясняется аскриптивными характеристиками, связанными с обстоятельствами рождения.

Если же обратиться к оценкам немонетарных аспектов неравенства, то оценки неравенства в доступе к образованию и ожидаемой продолжительности жизни, которые использует ООН для корректировки индекса человеческого развития, классифицируют неравенства в этих областях в России как относительно менее глубокие, особенно в сфере образования (в отношении доходного неравенства эти оценки, однако, гораздо менее оптимистичны).

В целом неравенство действительно представляет собой один из ключевых вызовов для нового этапа развития России, однако возможности ответа на него требуют серьезного подхода к его определению, измерению и формулировке целей, которых необходимо добиться, сокращение ли это доходного неравенства в массовых слоях, снижение концентрации богатства, выравнивание неравенства стартовых возможностей, стабилизация положения нижних слоев населения, изменение оснований неравенства или легитимизация неравенств в глазах населения для реализации их стимулирующей, продуктивной функции.

Авторы номера:

Бердышева Елена Сергеевна — к.с.н., старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Бондарик Есения Владимовна — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Гества Клаус — доктор философии, историк, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла (Германия)

Гудков Лев Дмитриевич — д. ф.н., Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Красильникова Марина Дмитриевна — к. э. н., заведующая отделом изучения уровня жизни, Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Левинсон Алексей Георгиевич — к.иск.н., заведующий отделом социально-культурных исследований, Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Лысова Татьяна Сергеевна — социолог, Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Мареева Светлана Владимировна — к.с.н., зав. центром, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Николюк Сергей Александрович — социолог, независимый исследователь (Минск)

Орлов Борис Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, ИНИОН РАН

Слободенюк Екатерина Дмитриевна — к.с.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Соколова Анна Андреевна — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тамаш Пал — профессор, директор Института социологии Венгерской Академии наук

Тихонова Наталья Евгеньевна — д.с.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ханин Владимир (Зезв) — профессор, Университет Бар-Илан и Университет Ариэль, (Израиль)

Чепуренко Александр Юльевич — д.э.н., ординарный профессор, руководитель департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

SUMMARY

Subjective stratification of Russian society model and its dynamic (by Natalia Tichonova)

The article shows that in the past decade and a half the subjective social structure of Russian society has undergone a cardinal change. Most Russians no longer consider themselves social outsiders and Russian society as a whole has become a mass lower middle class one. Thus subjective stratification in modern day Russia is drastically different from what it was in the 1990-es and the early 2000-s on the one hand and from subjective stratification models of developed countries, where actual middle class dominates instead of lower middle class on the other.

These properties of the social structure of Russian society are very persistent now and practically do not change under the influence of deterioration of the economy. Another characteristic trait of the subjective stratification model in Russia is the increasing overrating in mass consciousness of the role of material wealth in defining social status coupled with the lowered prestige of education, professional skill and career achievements. As a result the main marker defining their social status for Russians is their material wealth and lifestyle.

The article shows that as a whole Russians are largely satisfied with their social status and the share of people identifying as the “low class” is relatively small. However, due to the illegitimacy in the eyes of Russian citizens of the increasing self-reproduction of the major social strata and the gradual disappearance of the “tunnel effect”, for the first time in the past quarter century the idea that the optimal stratification model for Russian society is that of social homogeneity began to dominate in the mass consciousness. Since at the same time human rights are becoming a priority for Russians over the interests of state, such changes could lead to a mass demand for serious changes in key social institutes.

Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities (by Svetlana Mareeva, Ekaterina Slobodenyk)

The article provides an overview of the recent international reports devoted to the problem of inequality and shows position of Russia in international context in terms of inequality of income, inequality of wealth and inequality of opportunities. It is shown that the differences in the approach to inequality measurement, combined with the use of different data sources, lead to different estimates of its degree and depth. Estimates of income inequality related to the distribution of income among the population as a whole (usually measured using the Gini coefficient) position Russia as a country with high degree of inequality (especially against the background of Western European countries), but not the extreme.

Measurement of inequality by income concentration provides a different picture. On a global background, Russia is characterized by very high rates of income concentration in the hands of the top 1–10% of the population; wealth concentration is even higher, and it positions Russia as a world leader of inequality. The extreme concentration of income and wealth in Russia is usually attributed by analysts of international organizations to the chosen path of transition to a market economy and the specifics of the institutional conditions in the country.

For the purpose of developing socioeconomic policy measures aimed to combat inequality, it should be borne in mind that the concentration of income / wealth and monetary inequality among the general population, although characterizing the extent of inequality in the country as a whole from different angles, are different phenomena, requiring different mechanisms for managing them.

The article also shows that in international practice attempts are made to make a comparative analysis of inequality of opportunities in different countries. However, inequality of opportunities is also usually associated with monetary inequality and is estimated through the influence of individual birth circumstances (gender, socioeconomic status of parents, place of birth) on income inequality. According to the available data, the Gini index on inequality of opportunities in Russia is quite high on the global background, and more than a third of income inequality in the country is attributed to the ascriptive characteristics associated with the circumstances of the birth.

Turning to estimates of non-monetary aspects of inequality, the inequalities in access to education and life expectancy that the United Nations uses to adjust the Human Development Index classify inequalities in these areas in Russia as relatively less profound, especially in education (with respect to income inequality, these estimates, however, are much less optimistic).

In general, inequality really represents one of the key challenges for a new stage in Russia's development, but the possibility of handling it requires a rigorous approach to its definition, measurement and formulation of the goals that need to be achieved.

What do indexes speak of? Potential and limitations of public opinion survey data dynamic comparisons (by Marina Krasilnikova).

Decades of experience at measuring indexes based on public opinion survey data, accrued by Levada Center allows us to analyze their dynamics in various periods in the country's history and compare the worldview and subjective evaluations reflected therein in times of stability and crisis.

The year 2017 became the third in a row when state statistics announced a decrease in the populace's real income. It's this three-year period - 2015-2017 - that we'll take as an example of an unfavorable (crisis) state of the country's economy. Conversely, a three-year period of ten years ago - 2005-2007 was marked by the highest tempo of families' income growth in Russia's newest history. This will be the other period used for comparison.

Both three-year periods were marked by the growth of the Consumer Sentiment Index - an aggregated indicator reflecting the dynamics of people's subjective opinions and evaluations on various aspects of everyday life. Granted, during the first period, ten years ago, the index grew at a somewhat higher degree. However, the more fundamental difference is in the structure and factors

generating the growth of Consumer Sentiment in different time periods.

In favorable years consumer optimism is first of all based on positive evaluations of the conditions on the consumer market, and the estimation of personal ability for active consumption does not fall far behind the overall CSI. In periods of economic upheaval, consumer optimism stems from hypothetical hopes for the future. And the widening gap between the pragmatic evaluation of own circumstances and the expectation of an economic miracle based largely on information from the media, reflects the increasing sense of helplessness and powerlessness, a loss of control over one's own life.

It seems, in our society economic difficulties do not lead to the mobilization of personal resources. Quite the contrary - simultaneously with the background spread of pessimism, a Utopian image of the future is formed and the responsibility for that future is shifted "upstairs" - onto the state, the president, oil prices etc.

The article shows that the populace's subjective evaluations of socioeconomic conditions during periods with considerably different economic index dynamics are very similar. However, the processes behind these rather similar numbers are markedly different. Positive expectations can be formed both due to a predominant certainty in one's own capabilities and as a result of relatively high or low expectation horizon regarding the desired scenarios.

This circumstance, it seems, points to an important trait of the populace's subjective evaluations analysis potential. The data is always historically particular, is tied to and noticeably depends on the social circumstances it was formed in. Despite the attractiveness of analytic work with "long" strings of data, accrued through public opinion surveys spanning years, their historical comparability is limited. However, this does not diminish the importance of mass public opinion surveys for the study of society and predicting upcoming changes therein.

Soviet man. The History and ambivalence surrounding a collective singular form (Klaus Gestwa)

Cultural constructs such as that of the homo sovieticus have helped shape our understanding of the Soviet Union. Svetlana Alexievich's literary anthropology and the sociograms of the staff at the Levada Center draw our historical view of the individuals and society in the Soviet Union more sharply into focus. However, this anthropological type suggests a general validity and homogeneity

that fails to do justice to the diversity and openness of individual and social development in the USSR and in the post-Soviet states.

Presidential elections in Russia and Israel: sociopolitical aspects (by Zeev Hanin)

Analysis of the results of the electoral vote in March 2018 among Israelis that have retained Russian citizenship. The turnout amounted only 8% of voters. Mostly these were retirees. It means that repatriates from the former USSR no longer identify with Russia and its political interests. Russian-speaking repatriates have pretty much integrated into the local society and the leading worldview.

Patriotic mobilization and the consequences thereof (by Lev Gudkov).

The period of mobilization and nationalist euphoria (2014-2016) brought about by anti-western and anti-Ukrainian propaganda is over but the consequences thereof - such as the reduction to late Soviet supremacy practices and the institutional fixation of a non-democratic authority system will persist for a long time. Each phase of collective excitement causes a revival and emergence to the foreground of mass illusions, archaic and baseless hopes for improvement in life (happiness), faith in the leader - chief or savior - capable of bringing it about.

On the outside mythological structures of consciousness take up a rather secular form of political and publicist statements. Their truth or falsehood is not verifiable since the profane public opinion hasn't and is not capable of having the means necessary to analyze and check them.

The non-routine state of the masses means a primitivization of mass consciousness, an abrupt simplification and unification in the understanding of events. The Crimean wave of mobilization that followed the mass protests in large cities and the decrease in Putin's legitimacy, legitimized a tougher stance on legislation, court and regulatory enforcement, aimed against any forms of social self-organization not controlled by the Kremlin or regional authorities and has led to an expansion of political police authority, the establishment of a monopoly of the president's administration censure and control over the mediascape.

Nastya Rybka and the collision of civilizations (by Sergey Nikolyyuk).

Analyzing the reaction of the Russian populace to the information about corruption in the top tiers of Russia's government spreading via social media and the multiple criminal cases opened

against governmental officials publicized via mass media, the author comes to the conclusion that the effectiveness of corruption critique is low since mass political precepts and the propaganda using them block the effect of moral and sociopolitical consequences.

Political preferences act as data filters, letting in first and furthest information confirming the existing 'worldview'. Russia as a separate local civilization undergoing the shift between industrial and postindustrial society chose a "special route" which can be summed up as conscious effort made by the political elite to block all that can aid the spread of intense structural and functional differentiation (value of self-expression in society, autonomy of various social groups).

The main goal of the pro-Putin elite is to uphold social and political stability. It can only be achieved by the inoculation of state patriotism ideology - that is to say - increasing isolationism.

This condition is a symptom of a civilizational dynamic being exhausted. In mid-term the regime and the existing consensus will not be threatened by local protestations. In most cases, their participants strive to avoid any politicization of their activities. In full compliance with the "special route" concept, the dissatisfied react not to the breach of law but to the unfairness of asset distribution, which is expressed by complaints to the country's main distributor thereof.

Use of Internet services and factors affecting the variety thereof (by Tatiana Lysova)

This article examines the extent to which the inhabitants of Russian towns use Internet-services requiring personal information (bank card number, passport data etc). It also includes a statistical evaluation of the effect of various factors on the intensity of use of such online services.

The analysis was performed using exploratory factor analysis (to determine latent factors) and structural equation modeling (to evaluate the theoretic model). The factors with the most influence on the number of services a respondent made use of are age and positive attitude to digital tech. However, other studies predict that the generational gap will disappear with time so other factors influencing the difference in internet use should be examined. The respondents that feel in control of their future use the internet in their everyday practices more actively.

Being sure of the safety of data posted online is conducive towards using more internet-services and is a much more influential factor than institutional confidence level. Although institutional confidence does have a positive influence on the volume of

services used by respondents online, it's not overly important for increasing the variety of Internet-service used.

Freedom of information: informal practices of mass-media regulation in contemporary political process in Russia (by Eсениya Bondarik)

The paper focuses on informal practices of media regulation in the contemporary political process in Russia. Informal practices can influence the information agenda regulation to a greater extent than formal practices, which are restricted by law. Today informal practices is one of the main sources of constitutional dysfunctions in the country. Public authorities use informal practices as the main instrument influencing the media in Russia in the political process. By using informal practices of media regulation governmental authorities can influence the mass media business, change the media policy and as a result determine a framework of Russian mass media system and affect the information policy agenda.

Measuring suffering in social sciences: the case of oncology diseases (by Elena Berdysheva, Anna Sokolova)

The article prompts current ability of social science to see the burden of social world, experienced by individuals. One of the most thrilling threats – cancer diagnosis – serves as an example to highlight the approaches to the assessment of losses and suffering (in the war on cancer), being developed in economic theory, sociology and psychological science. Sociology of evaluation framework is used to see that losses within deadly disease experience point to the categories being used today to describe prosperous life scenario. People with cancer are struggling for their life, and through this experience it becomes

clearer what exactly “normal life in contemporary society” is. The special intention of the article is to draw the attention of the economic sociologists to the problem of suffering, because now many issues that are in dire need of their expertise are arising within the friendly social sciences (economics and psychology), but due to specificity of their scientific tasks do not meet proper attention.

Interview with Pal Tamash (by Alexey Levinson)

The main subject of the interview: “People of 1960-s” in USSR and Eastern Europe. Main difference between the two, according to P.Tamash, lies in the perception of the socialist regime. Soviet liberals hoped it could be improved and liberalized. By the 1970-s their colleagues in Eastern Europe thought it was just a prison not liable to any improvements. P. Tamash believes that Khrushchev's “Thaw” contained real potential for aggregating strong and numerous pro-reformist social forces in the USSR, more powerful than Gorbachev's “Perestroika”. What happened after 1964 P.Tamash calls “counter-revolution”. (The same takes place now, he adds). In his interview P.Tamash also provided important historical details about the Budapest uprising of 1956. For him the repressive measures taken by Soviet government were typical for a metropolis crashing rebellion in it's colony. P. Tamash also shares his memories about Yuri Levada, Boris Grushin, Vladimir Yadov, and other Soviet/Russian sociologists.

How Levada's «Lectures» were scuttled (by Boris Orlov)

Memoirs of Boris Orlov, the head of the editorial department of the USSR Academy of Sciences Particular Social Research Institute in 1968-1969 of how the printed copies of “Yury Levada's lectures on sociology” were banned and destroyed in 1969.

